

*Людмила Жданович
(Калининград)*

Н. М. КАРАМЗИН О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Проанализировано педагогическое наследие Н. М. Карамзина, историка и крупного общественного деятеля Российской империи. Предметом исследования стали взгляды Н. М. Карамзина на проблемы отечественного образования, а также идейного и семейного воспитания в России конца XVIII – первой четверти XIX века. Особое внимание уделено публицистическим произведениям Н. М. Карамзина, написанным в разные периоды его жизни, в которых историк изложил свою позицию по проблемам образования и воспитания.

***Ключевые слова:** Н. М. Карамзин, Александр I, народное образование, воспитание, традиции, патриотизм, реформы.*

 русский историк первой половины XIX века Николай Алексеевич Полевой назвал Н. М. Карамзина «писателем не нашего времени». Подобные оценки нередко можно встретить в трудах историков, младших современников Николая Михайловича Карамзина. Однако «последний летописец» во многом опередил свое время и одним из первых привлек внимание общественности к ряду проблем современной ему российской действительности. Более того, несмотря на то что историк жил два столетия назад, его слова и мысли о воспитании и образовании, их роли в развитии общества и государства не утратили значения и в настоящее время. В этой связи интересным представляется высказывание известного публициста и литературного критика П. А. Вяземского, анализировавшего литературное и научное наследие Н. М. Карамзина. «Слова Карамзина еще не устарели, пережитые действительностью. Пора действительности еще не настала; читая его, можно думать, что читаешь страницу из вчера вышед-

шей книжки русского журнала», — отмечал П. А. Вяземский в 1873 году [1, с. 364]. Эти слова, написанные спустя полвека после смерти историка, с полным правом можно отнести и к современности.

Просвещение есть палладиум благодравия. Данное утверждение как нельзя лучше иллюстрирует позицию одного из самых известных историков и представителей общественной мысли России начала XIX века. Согласно Н. М. Карамзину, воспитание и образование — два столпа, на которых зиждется благополучие государства и нравственность народа. Они взаимосвязаны и не могут существовать отдельно друг от друга. «Образование есть корень государственного величия, и без которого самые блестящая царствования бывают только личную славою Монархов, не отечества, не народа» [6, с. 50]. «Воспитание — есть основание частного и государственного благоденствия» [7, с. 363].

Современному читателю может показаться, что историк излагал вполне понятные, давно устоявшиеся истины, однако в начале XIX века подобные мысли в определенной степени все еще были новшеством. Наряду с И. И. Бецким и Н. И. Новиковым, Н. М. Карамзин был одним из первых, кто сделал предметом публичного обсуждения вопросы воспитания и образования в России, те нравственные проблемы, с которыми столкнулось российское общество на рубеже столетий. К данной тематике Николай Михайлович Карамзин будет возвращаться на протяжении всей жизни. В публицистических статьях и заметках он вновь и вновь отмечал важность и значимость просвещения для развития государства и народа, при этом историк не просто погружался в теоретические рассуждения общего характера, но пытался дать оценку конкретной российской действительности. В «Вестнике Европы» — журнале, заложившем основы российской журналистики, он опубликовал ряд статей-откликов на первые реформаторские шаги на ниве просвещения правительства императора Александра I. Значительно позже, уже всецело посвятив себя изучению отечественной истории и став официальным историографом, Н. М. Карамзин вновь обратился к данной теме. Немалая часть широко известной в наше время «Записки о древней и новой России», написанной историком в 1811 году, также была посвящена анализу правительственной политики в сфере образования.

В отличие от своего старшего современника И. И. Бецкого Н. М. Карамзин не был педагогом-теоретиком. Он не оставил специальных теоретических трудов по педагогике, однако в его публицистических произведениях можно встретить немало интересных высказываний, так или иначе затрагивающих общие и частные проблемы воспитания

и образования. Характеризуя взгляды Н. М. Карамзина, следует отметить, что историк напрямую связывал прогресс человеческого общества с просвещением, однако не пытался свести его исключительно к распространению знаний. Просвещение Н. М. Карамзин понимал гораздо шире, тесно связывая образование с воспитанием. Он утверждал, что источником личного успеха человека и величия государства в целом является правильное воспитание, ведь «давно называют свет бурным океаном, но счастлив [тот], кто плывет с компасом! А это дело воспитания» [8, с. 274].

Воспитание достойного гражданина, по мнению историка, складывалось из нескольких составляющих. Среди них Н. М. Карамзин выделял нравственность, религию и, особенно, патриотизм. Однако важнейшую роль в воспитании всегда играла и будет продолжать играть семья. «Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы» [8, с. 275]. Он был твердо уверен, что основы нравственного воспитания человеку дает именно семья. При этом семейное воспитание — это не право, это «долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных Сынов отечества».

Следуя данному утверждению, Н. М. Карамзин выступил с резкой критикой системы воспитания, сложившейся в российской дворянской среде на рубеже столетий. Характеризуя Россию конца XVIII века в «Записке о древней и новой России», он отмечал: «... У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархия, — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни» [2, с. 43]. Одну из причин подобного положения Н. М. Карамзин видел в том, что «чужеземцы овладели у нас воспитанием». По его мнению, воспитатель-иностранец не мог дать своему подопечному хорошее воспитание, потому что не был способен понять русский народный характер, Россию и ее историю, а потому лишен возможности «воспалить в ученике искры патриотизма» [7, с. 363]. А патриотизм у Карамзина, как мы помним, — неотъемлемая часть воспитания. Подчеркивая роль семьи в воспитании, выделяя неразрывную связь между воспитанием и патриотизмом, воспевая нравственные идеалы, историк был одним из тех, кто вольно или невольно закладывал основы педагогической науки в России.

Поддерживая государственное и общественное устройство Российской империи, Николай Михайлович Карамзин был сторонником всеобщего обучения и подчеркивал, что на протяжении долгого времени

именно невежество позволяло властям держать народ в повиновении и властвовать спокойно. «Сие золотое солнце сияет для всех на голубом своде, и все живущее согревается его лучами; сей текущий кристалл утоляет жажду и властелина, и невольника. Все люди имеют душу, имеют сердце: следственно все могут наслаждаться плодами искусства и науки» [4, с. 140].

Историк всячески отмечал благодетельность просвещения для всех сословий российского общества, хотя и не был всецело сторонником всеобщего равенства. Однако, поднимая вопрос равенства, он отмечал: «Не все могут быть воинами и судьями, но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все равно полезны государству» [8, с. 277]. В этой связи можно привести еще одно высказывание П. А. Вяземского, выступавшего против того, чтобы Н.М. Карамзина, с которым его связывала тесная многолетняя дружба, называли «политическим старовером». Он отмечал, что «Карамзин не замыкал народ в известных и не перешагиваемых гранях: он ни граждан не закреплял к неизменному веку строю, ни земледельцев не закреплял вечно к земле. Он понимал, что тем и другим должно прорубить новые просеки, раскрывая новые горизонты, но под одним условием, а именно Просвещения. В этом слове заключается все» [1, с. 362].

Н.М. Карамзин был также сторонником развития женского образования, приветствуя первые шаги на этом поприще, сделанные в царствование Екатерины Великой. Рассуждая о женском образовании в «Историческом похвальном слове Екатерине II», Н.М. Карамзин отмечал: «Нравственность есть главный предмет, но и разум должен обогащаться всеми знаниями, всеми идеями, нужными для того любезного существа, которое должно быть сокровищем супруга и первым наставником детей» [3]. Таким образом, он вновь связывал образование и воспитание, подчеркивая роль семьи и в первую очередь роль женщины в воспитании детей.

Как уже отмечалось, историк активно приветствовал реформаторские начинания власти в области просвещения на страницах журнала «Вестник Европы», однако уже тогда, в первые годы наступившего XIX века, не страшился эту власть критиковать. С течением времени критика становилась все жестче. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в «Записке о древней и новой России», которая в историче-

ской литературе долгое время воспринималась и продолжает восприниматься как своего рода манифест противников перемен. В «Записке» досталось всем: и «министерству так называемого просвещения», которое «в России донныне дремало, не чувствуя своей важности и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось, от времени и до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя», и российскому ученому сообществу, и М. М. Сперанскому, и самому императору Александру I [2, с. 67].

Анализируя политику власти в области просвещения, М. Н. Карамзин выступал против слепого заимствования западной модели образования и воспитания, перенимания формы, пренебрегая ее содержанием. «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства», — гласят строки «Записки о древней и новой России». В чем же состоят, согласно Н. М. Карамзину, упомянутые им иные обстоятельства? Историк подчеркивал, что недостаточно основать множество школ, гимназий и университетов, организовать ученые общества и призвать знаменитых иноземных астрономов и филологов. Это не решит всех проблем, потому что образование в России начала XIX века по-прежнему оставалось недостаточно востребованным обществом. Главная мысль, которую стремился донести Н. М. Карамзин, состояла в том, что реформирование системы образования необходимо было начинать с самых низов. Он был уверен, что учреждение сельских школ «несравненно полезнее всех лицеев, будучи истинным народным учреждением, истинным основанием государственного просвещения». Каждый человек должен овладеть азами грамоты, потому что «между людьми, которые умеют только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо более расстояния, нежели между неучеными и первыми Метафизиками в свете» [6, с. 56].

Н. М. Карамзин также утверждал, что не были созданы условия для нововведений, осуществляемых правительством, поэтому те зачастую приносили больше «убытка для казны, нежели выгод для Отечества». Историк отмечал, что реформаторы поспешили пригласить иностранных профессоров, «не приготовив учеников», что «между первыми много достойных людей, но мало полезных». Н. М. Карамзин резко критиковал царившее в обществе пренебрежительное отношение к труду и положению учителей, предлагая повысить их статус и «сравнять выгоды учительского звания с выгодами чинов». В то же время он сокрушался по поводу недостаточной подготовки учителей в России. «У нас не будет совершенного морального образования, пока

не будет русских хороших учителей», — писал он. При этом Н.М. Карамзин не ограничивался исключительно критикой, а размышлял о способах улучшить качество подготовки народных учителей. В частности, историк полагал, что большую часть средств, выделенных правительством на приглашение иностранных ученых, следовало потратить на увеличение числа гимназистов, учившихся за государственный счет. «Скажем, что если в Москве и в каждом ученом округе России будет от трех до пяти сот воспитанников на казенном или общественном содержании, то через 10 или 15 лет университетским правлениям останется только выбирать достойнейших из них до звания учителей», — писал он в статье «О верном способе иметь в России довольно учителей», опубликованной в журнале «Вестник Европы» [2, с. 66; 5, с. 322].

Призывая власть сконцентрировать основные усилия на развитии начального и среднего образования, Н.М. Карамзин не обделял вниманием и изменения в системе высших учебных заведений. Он одобрительно отнесся к правительственным реформам, провозгласившим создание учебных округов и автономию университетов, полагая, что «мысль отделить учение от других частей государственных, как систему особенную и целую, есть мудрая и благодетельная», потому что «ученые места должны зависеть только от ученых», однако раскритиковал систему, при которой профессура была обременена массой хозяйственных и других посторонних дел, потому что чиновники Министерства народного просвещения стремились переложить часть своих обязанностей на плечи ученых мужей [6, с. 57].

В отечественной исторической науке Н.М. Карамзин нередко подвергался критике за его позицию по отношению к разработанному по инициативе М.М. Сперанского указу об экзаменах на чин от 6 августа 1809 года. В «Записке о древней и новой России» он с крайней язвительностью и иронией отзывался не только о самом указе, но и об его авторе, применив для этой цели свой немалый литературный талант. «Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью!» — восклицал он на страницах «Записки». Однако подобное высказывание вопреки распространенному мнению вовсе не означало неприятие историком самой идеи введения обязательного образовательного ценза для чиновников. Еще в 1803 году в статье «О новом образовании народного просвещения в России» Н.М. Карамзин выражал надежду на то, что «через 5 лет никто уже не будет определен к должности, требующей юридических и других познаний, не доказав, что он приобрел их систематическим учением» [6, с. 59].

Не изменил он своим убеждениям и годы спустя. В «Записке» он соглашался с тем, чтобы «молодые люди, вступая в службу, были обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях». Отличие состояло в том, что он считал неправильным применять подобный подход к тем, «кто уже давно служит», потому что «он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт государственный» [2, с. 69]. Н.М. Карамзин прекрасно понимал, что главной причиной принятия данного указа было стремление правительства увеличить количество учащихся в учебных заведениях, особенно за счет представителей дворянского сословия, так как государство остро нуждалось в квалифицированных специалистах, однако не считал правильными те методы, с помощью которых действовал тот же М.М. Сперанский, осуждая поспешность многих реформ, а также отказ учитывать человеческий фактор и особые условия российской действительности. Он был твердо уверен, что нельзя пренебрегать людьми, отдавшими десятилетия своей жизни государственной службе и утверждал, что законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной, «иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла». С этими замечаниями автора «Записки» при всей их категоричности трудно спорить.

Подводя итоги, можно согласиться с русским педагогом и ученым П. Д. Шестаковым, в 1866 году назвавшим Н.М. Карамзина истинным воспитателем молодого поколения. В этой связи необходимо отметить, что одну из своих публицистических статей автор «Истории государства Российского» завершил следующими словами: «Меня не будет — но память моя не совсем охладет в мире; любезный, нежно образованный юноша, читая некоторые мысли, некоторые чувства мои, скажет: он имел душу, имел сердце!» [4, с. 142]. В год празднования 250-летнего юбилея со дня рождения Н.М. Карамзина можно с уверенностью утверждать, что это предсказание выдающегося писателя, историка и общественного деятеля России конца XVIII — начале XIX века сбылось.

Список литературы

1. *Вяземский П. А.* Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 345–373.
2. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
3. *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_istoricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (дата обращения: 10.01.2017).

4. Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. М. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 122–142.

5. Карамзин Н. М. О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. 1803. №8. С. 317–326.

6. Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России // Там же. №5. С. 49–61.

7. Карамзин Н. М. О новых благородных училищах, заводимых в России // Там же. 1802. №8. С. 358–366.

8. Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Н. М. Карамзин. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 268–277.

Liudmila Zhdanovich

N. M. KARAMZIN ON UPBRINGING AND EDUCATION IN RUSSIA

The article is dedicated to Nikolai Karamzin, a historian and a major public figure of imperial Russia. His various achievements make him a figure of lasting significance and continuing interest. The subject of the research is N. M. Karamzin's views on the matters of public education and of ideological and family upbringing in the late 18th – early 19th-century Russia. Special attention is paid to N. M. Karamzin's various political essays that addressed the country's educational problems. Another focus is on Karamzin's The Memoir on Old and New Russia.

Key words: *N. M. Karamzin, Alexander I, public education, upbringing, traditions, patriotism, reforms.*